Иоганн Вольфганг Гёте — естествоиспытатель

К.Г.Михайлов

Гёте И.В. Научные сочинения. Том 1. Образование и преобразование органических существ (морфология). М.: Товарищество научных изданий КМК. 2014

Переводы биологических сочинений автора «Фауста» известны в России уже в течение столетия. Не забудем, что сам термин «биология» появился лишь в самом начале XIX века, а прижился в науке гораздо позднее, поэтому Гёте говорит в первую очередь о морфологии растений и животных. Термин «морфология» введен как раз Гёте. Ныне под морфологией понимают изучение наружных структур животных и растений, хотя исходно, у Гёте, речь шла о науке, исследующей динамику формы.

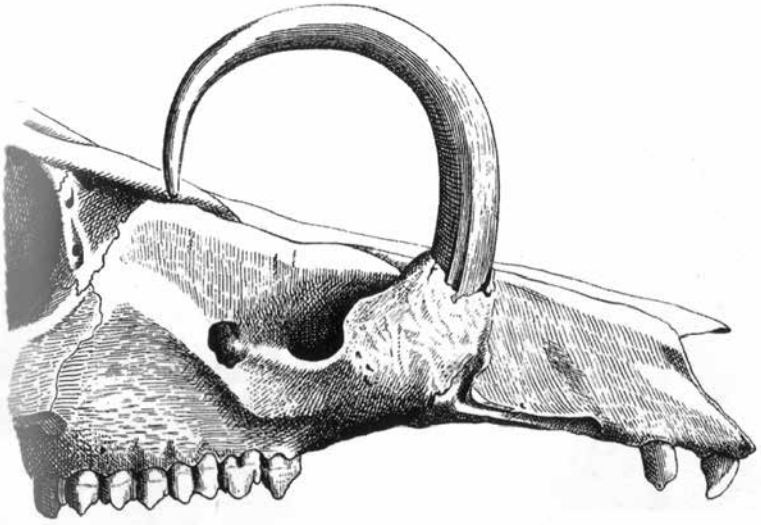
Из крупных изданий переводов Гёте по естествознанию можно назвать переводы В.О.Лихтенштадта (1920) и И.И. Канаева (1957, в академической серии «Классики науки»). Печальная история еще одного, несостоявшегося издания разобрана в комментариях к рецензируемой книге. В 1929 году Госиздат принял решение об издании 13-томного издания сочинений Гёте, и в последний, 13-й том предполагалось поместить научные сочинения великого немца. Редактировать этот том согласился В.И.Вернадский. Перевод текстов выполнил известный историк и педагог И.М. Гревс, а редактировали тексты специалисты-биологи, в том числе носитель немецкого языка (ботаник З.Ф.Руофф). Но вскоре некоторые редакторы были репрессированы, сам Гревс скончался в начале 1941 года. В том же году Госиздат расторг договор с В.И. Вернадским, и это издание не состоялось. Вводный очерк самого В.И. был опубликован уже посмертно, в 1946 году, в «Бюллетене Московского общества испытателей природы».

Нынешний трехтомник научных сочинений И.В.Гёте выходит по инициативе Фонда «Терапевтическая эвритмия» (Москва) под редакцией и с примечаниями С.В.Казачкова. Ему же принадлежат и несколько переводов. Некоторые биологические комментарии даны Г.Ю.Любарским. Ранее не опубликованные рукописи переводов были разысканы в Российском государственном архиве литературы и искусства и в Архиве Российской академии наук. Через несколько лет, надеюсь, следует ожидать томов по физике (учение о цвете, учение о звуке) и геологии с метеорологией.

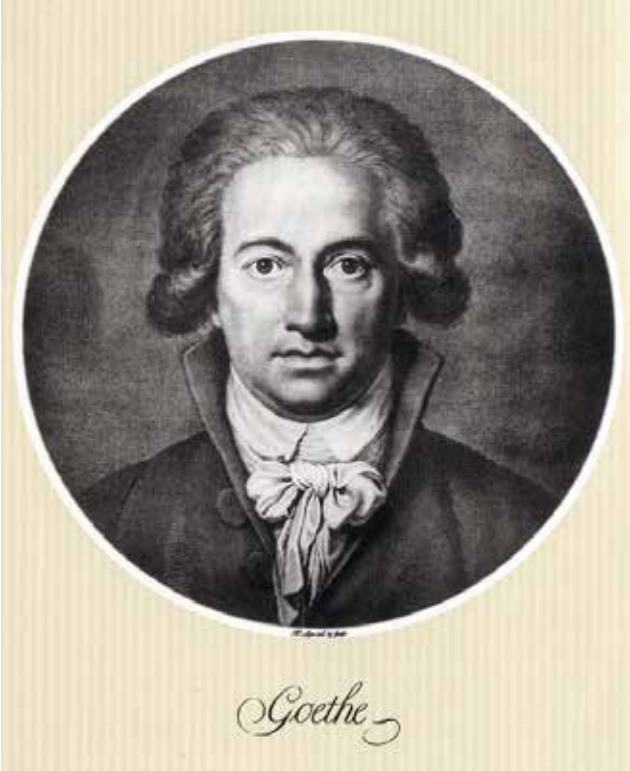
Главное отличие нового издания — значительно более полная, многосторонняя подборка работ Гёте по биологии. Основной текст книги состоит из трех больших разделов — это сочинения, изданные при жизни автора, неизданные очерки, вместе с черновиками и набросками, и — в качестве приложения — пять вводных статей Рудольфа Штайнера к работам Гёте по естествознанию, написанные в 1880—1890-е годы. Справочный аппарат велик и занимает почти треть общего объема книги. Для первых двух разделов использованы переводы И.М.Гревса (в основном), В.О.Лихтенштадта, С.В.Казачкова и др. Некоторые материалы Гёте, а также статьи Штайнера публикуются на русском языке впервые.

Справочный аппарат книги помимо подробных примечаний включает список изданий научных сочинений Гёте, краткий очерк о Гёте как биологе (по пунктам, с чисто немецкой аккуратностью), историю несостоявшегося тома под редакцией В.И.Вернадского, хронологию работ Р.Штайнера над изданием научных произведений Гёте и обоснованием его идей, краткую биографию Е.С.Смирнова (энтомолога, автора одного из переводов), перечень публикаций в журнале Гёте «О естествознании вообще, преимущественно о морфологии», в серии «О морфологии», именной и терминологический указатели и список литературы. В комментариях Г.Ю.Любарского обсуждаются многие проблемы биологической систематики и морфологии XX и даже XXI века — это и гомеобоксные гены, и филогенетическая систематика В.Хеннига, и мерономия С.В.Мейена, и гомологические ряды Н.И.Вавилова...

Главное чувство, которое возникает при знакомстве с текстами, приложениями и комментариями, — вот, наконец, настоящий, аутентичный Гёте, очищенный от неокантианской и позитивистской шелухи. Посмотрите хотя бы обстоятельные комментарии к «Сомнению и смирению» (с.546—551). Фигу-



Челюсть бабируссы (здесь и далее иллюстрации из книги)

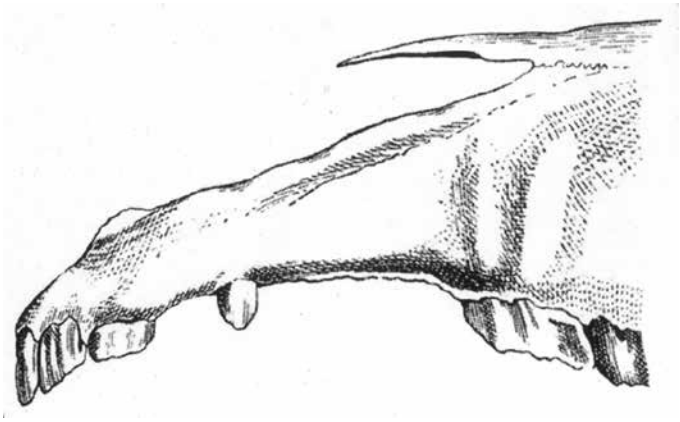


Гёте в возрасте 42 лет. Гравюра И.Г.Липса, 1791

ра Рудольфа Штайнера воспринимается в наше время более чем неоднозначно, но его заслуги в деле анализа и развития естественно-исторических взглядов Гёте несомненны.

Прежде чем попытаться изложить суть научно-философских взглядов Гёте, приведу три цитаты: «...уровень воззрений современного человека измеряется его отношением к гётевскому мировоззрению» (Р. Штайнер); «Миросозерцание Гёте самое многостороннее, какое только можно себе представить» (Р. Штайнер); и еще: «Есть два Гёте: Гёте извне, почитаемый и не читаемый, а если и читаемый, то по всем правилам кабинетно-филологического этикета, и Гёте изнутри — открытая книга, чтение которой равно непрерывному соавторскому риску» (К.А.Свасьян). К сожалению, Гёте не оставил нам полного последовательного изложения своих биологических воззрений, хотя за такой труд он принимался как минимум трижды в течение своей долгой жизни, два раза в 1790-е годы и потом еще раз в 1806—1807-е...

Так или иначе, в 1790 году был издан лишь «Опыт объяснения метаморфоза растений» (позднее переименован автором в «Метаморфоз растений»), а основные морфологические работы (среди них — важнейшие) стали выходить после 1817 года, в серии сборников «О морфологии» в выпусках журнала Гёте. Необходимо также различать собственно большие и малые биологические гипотезы и открытия Гёте (теория, согласно которой череп состоит из видоизмененных позвонков, открытие межчелюстной кости и т. п.) и его общую теорию органического мира, включая методы, приемы обобщения и логику работы. Отдельные открытия никогда не были для Гёте самоцелью. Хотя, читая его сочинения по ботанике или остеологии, нельзя не признать его превосходным специалистом в данных областях знания, и гипноз «Гёте-поэта» отходит в сторону.



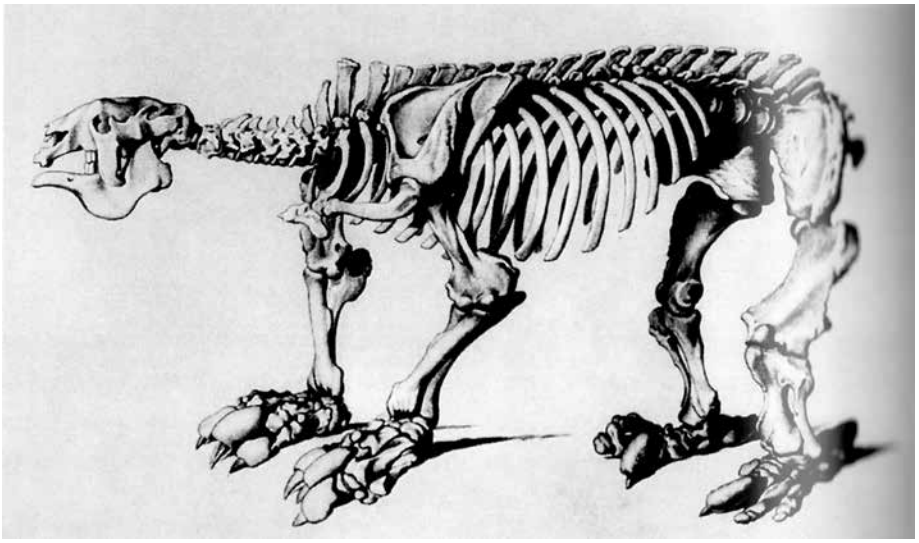
Челюсть лошади

Итак, в самом общем виде, тезисно.

1. Гёте понимает морфологию как науку о форме, об органической форме в первую очередь. Причем эта форма изменчива и динамична, подвержена метаморфозу. В этом отношении Гёте — полная противоположность Линнею с его систематизаторством. «У природы нет системы, у нее есть жизнь...» Перефразируя, система, как и форма, должна быть динамична, а не статична. То есть природа изменчива и способна к развитию. Отсюда можно несколько односторонне перекинуть мостик к трансформизму и даже к эволюционным воззрениям, победившим в середине XIX века.

2. Гёте выдвигает особый, антикантианский способ познания, который можно было бы назвать «рационально сверхчувственным». Он применим в первую очередь к органическим объектам. Великий немец, несомненно, некоторым образом «увидел» свое знаменитое «прарастение» (Urpflanze) во время путешествия в Италию. Но к мистике и иррационализму это никакого отношения не имеет, речь идет об интеллектуальном созерцании, интеллектуальной интуиции в правильном понимании этого термина (по Гёте, «созерцающая способность суждения»), понятии, чуждом современному естественно-научному сообществу и, как считается, дискредитированном всем развитием науки и философии XIX и XX веков. Гёте же полагал, что наш мозг, «духовные глаза», «мысленный взор» — это тоже некоторым образом орган восприятия мыслей. Эту точку зрения развивал в начале XX века известный немецкий философ Эдмунд Гуссерль.

Исходно опыт мысли и чувственный переживались как некая целостность, которая в исторических масштабах сравнительно недавно расчленилась на рассудочное (внеопытное) понятие и чувственный опыт (начиная примерно с XVII века мысли отказали в праве считаться опытом). Другими словами, наше «я» и внешний мир призваны снова составить некое единство. И приближаться к истине следует, чередуя чувственный и мыслительный опыты, улучшая один за счет другого. Будучи непознанной, природа некоторым образом и не существует: «Более того, внутреннее содержание природы проявляется во внешнем мире и актуально существует только в той мере, в какой познано нами» (комментарий С.В.Казачкова, с. 562). Соотношению мировоззрений Гёте и Канта посвящены многие и многие страницы комментариев



Скелет исполинского ленивца (американского мамонта)

С.В.Казачкова к рецензируемой книге.

3. Наука Гёте идет от частного к общему и снова — к частному. Одним из ключевых понятий здесь служит понятие типа (проявляющейся в организме закономерности), который понимается как динамический архетип; «в качестве такого сравнительного канона ни одно отдельное животное предложить невозможно»; «опыт должен показать нам, какие части общи для всех животных и в чем эти части различаются. Идея должна управлять всей этой совокупностью и генетически выводить общий образ». Тип Гёте имеет очень мало отношения к филогенетическому предку той или иной группы животных или растений, на чем в 1860-е годы настаивал великий биолог-эволюционист Эрнст Геккель и с чем радостно согласились многие последующие исследователи научного творчества Гёте. Удивительным образом чистую теорию динамического архетипа, правда редко ссылаясь на Гёте, в середине XX века развивал российский биолог Б.С.Кузин; как водится, его работы были опубликованы лишь посмертно, в 1980—1990-х годах.

Как соотнести мировоззрение Гёте с современным естественно-научным мировоззрением? Философы и методологи науки признают, что тип для органического мира представляет собой то же, что закон — для неорганического. Мышление биолога насквозь типологично, но он не всегда это осознает, как мольеровский Журден не осознавал, что говорит прозой. Самый простой пример — типологическая экстраполяция. Глядя на любое млекопитающее, мы точно знаем, что его самка выкармливает детенышей молоком, а кровь у него теплая, и для этого вовсе не нужно исследовать каждый попадающийся нам экземпляр. Потому что это — часть характеристики класса млекопитающих.

У Гёте (и затем у О.П.Декандоля, в русском переводе в 1837 году) выражено понятие мерона, или гомологизированного признака, правда, без употребления самого этого термина. Здесь мы видим перекличку с трудами советского ботаника, палеонтолога и теоретика биологии С.В.Мейена 1970-х годов, хотя сам Мейен на работы Гёте в этом отношении не ссылается (с. 572—573 и 581, примеч. Г.Ю.Любарского). Гёте говорит даже о фрактальности природы, хотя само это понятие было сформулировано лишь в 1975 году. Серьезный анализ типологического подхода в биологии был проведен Г.Ю.Любарским в его работе «Архетип, стиль и ранг в биологической систематике» (1995). Дальнейшее развитие этого направление в российской науке прослеживается очень фрагментарно. В англосаксонской же науке, ставшей теперь мировой, этот подход принято, к сожалению, игнорировать.

А дальше и глубже — предлагаю читателю исследовать данный вопрос самостоятельно.

Один из очерков Штайнера дан в переводе Е.С.Смирнова. Автору этого перевода посвящен краткий биографический очерк, вошедший в книгу. Евгений Сергеевич Смирнов (1898—1977) в течение 30 лет заведовал кафедрой энтомологии в Московском государственном университете; еще в своих ранних работах 1920-х годов он постарался применить теорию типа Гёте к зоологической систематике. Похоже, он состоял в теософских и антропософских кружках и даже в «темные» 1940-е и 1950-е годы сохранил свой интерес к этому направлению, хотя в те времена такого рода деятельность «решительно пресекалась» советскими органами внутренних дел. Но — тогда обошлось. В библиотеке Е.С. хранился ряд книг Штайнера (по-немецки и в русских переводах), а в архиве были обнаружены рукописи переводов таких сочинений, как «Философия свободы», «Мировоззрение Гёте» и др. Все это выяснилось после кончины его вдовы, Милицы Сергеевны, в середине 1980-х годов, при разборке архива на квартире ученого. Рукописи переводов, записанные Е.С. в школьных тетрадках и на листочках блокнотов, были затем усилиями Г.Ю.Любарского отпечатаны на пишущей машинке (добрая диссидентская традиция), а позднее, в 2000-е годы, набраны на компьютере при участии автора настоящей рецензии. Эти материалы были в свое время переданы редактору данного тома и пока опубликованы лишь фрагментарно. Насколько я понимаю, перевод «Философии свободы» Штайнера, написанный не занудно-дословно, а в художественном и при этом классически-научном ключе, особенно интересен для публикации.

Все издание очень тщательно отредактировано и откорректировано. Шероховатости в переводах ничтожны. Например, я бы сказал не «о компаративной анатомии», а все-таки «о сравнительной анатомии». В текстах Штайнера есть ссылки на так и не написанные им примечания – все эти места в книге заботливо помечены. Приятно удивляет использование для форзацев рисунка так называемой мраморной бумаги, характерной для обложек книг конца XVIII — начала XIX века.

Кажется, редактору тома остался неизвестен неопубликованный перевод «Метаморфоза растений», сделанный И.П.Бородиным. Он хранится в Санкт-Петербургском архиве РАН. В дальнейших историко-научных исследованиях его следует непременно учесть.

Интересно, как отреагирует российское «нормальное научное сообщество» (в ироническом смысле Томаса Куна) на появление этой, во всех отношениях яркой и интересной, но, увы, — «нематериалистической» книги. Неужели опять замалчиванием?..